

Память
огненных
лет

И так хотелось

Уже в шестнадцать лет Иван Берендеев стал бригадиром колхоза "Парижская коммуна". Было это в довоенные годы, когда и колхоз этот, и его родная деревня Косяково располагались еще в тех местах, которые потом оказались в зоне затопления. А работать стал, конечно, раньше. И так все время — жизнь как будто торопила его куда-то, словно что-то он мог просто не успеть, и даже в армию был взят, когда до восемнадцати лет еще не хватало нескольких месяцев. Но на это тогда не смотрели: шел суровый сорок второй год...

Молодых ребят направили на учебу в Смоленское военное пехотное училище, откуда через год с небольшим они были выпущены лейтенантами и сразу направлены в действующую армию. Боевой путь Ивана Ивановича начался под Москвой, а первые бои он принял под Ельцом. Были они не просто тяжелыми, а жаркими, ведь им пришлось прорывать сильно укрепленную оборону врага. 64-я армия, 438 стрелковый полк, 129 стрелковая дивизия — он и сейчас называет без запинки все свои бывшие "координаты", помнит и тех, с кем довелось воевать. Их особой роте, оснащенной противотанковыми ружьями, досталось и в тех первых боях, и в боях за освобождение Брянска, и на Орловско-Курской дуге. Только ранен Иван Иванович был трижды, но от родной части так и не отстал и после лечения в госпитале снова возвращался к своим боевым друзьям.

Первое ранение получил в боях за Брянск. Пуля разворотила ногу, но кость осталась цела, и в госпитале на этот раз он пролежал недолго. Да и не отправляли его далеко.

А первым орденом — орденом Отечественной

войны первой степени — наградили за форсирование Десны. Река эта запомнилась своим быстрым течением, и резиновую лодку, на которой Иван переправлял ночью на другой берег саперов, каждый раз по одному, сначала отнесло в сторону от места, куда рассчитывали высадиться, аж на целый километр. Потом, правда, был уже точнее.

— Навесят немцы ракеты, — вспоминает Иван Иванович, — светло, как днем, и мы словно на ладони. Так и переправлялись, под огнем да под смертью... А какой жестокий бой развернулся за небольшой районный центр Сетуху, никогда не забуду. Тогда меня и ранило второй раз, теперь уже в голову. Да везде шли с боями... — И он начинает перечислять своих бойцов: Попов, Волжанский, Родионов, Романов, Димитерко, сибиряк Витя Интанкин, служивший адъютантом Ивана Ивановича... Все как сейчас перед глазами, обо всех часто вспоминает. А о командире роты Николае Филипповиче Кондратенко, с которым долгое время поддерживал связь, когда война разбросала

их в разные стороны, отзывался так: "Хороший был мужик...". И за этой скупой похвалой кроется то, что называется настоящей мужской дружбой, проверенной не где-нибудь, а в боевых схватках. Жаль только, что потеряли они потом друг друга из вида, но это в войну было делом обычным.

И все-таки "самые" бои, по словам ветерана, развернулись на Курской дуге, под Орлом. Дивизия, в составе которой воевал Иван Иванович, наступала с левого фланга. По четыре—пять раз подряд предпринимались попытки потеснить врага, а потом небольшая передышка, и снова то же самое. Бесконечный грохот, вой снарядов, кровь, стоны и страдания раненых бойцов... За каждого был в ответе молодой командир, испытанный на себе, как не легко нести такую ношу. О каждом пропавшем, раненом, убитом он должен был отчитаться, но это не главное. Основная задача — это правильно их расставить и распределить, выбрать наиболее выгодную для боя позицию, чтобы предотвратить, насколько это можно, человеческие потери. А для этого ему нужно было все самому посмотреть, проверить, не раз обдумать и только потом распоряжаться солдатами, всегда помня при этом, что распоряжаешься их жизнями. И смелость, и умение выбрать в критической ситуации верное решение, и природная сметливость, и, пусть небольшой, но

все-таки накопленный до войны опыт работы с людьми — все это и еще многое другое, в том числе и везение, помогало ему идти по фронтовым дорогам. А о том, как он воевал, свидетельствуют его награды: к первому ордену со временем добавилось еще два — Красной Звезды.

Так, с боями, поражениями и победами, потерями и своего рода приобретениями Иван Иванович дошел до границы бывшего Советского Союза. И зимой, а точнее — 24 февраля 1944 года его снова "зацепило", и на этот раз капитально. Из прифронтового госпиталя его отправили в тыловую, откуда был, как говорится, списан подчистую.

Домой возвратился в самый разгар уборки. Встречала мама Агафья Яковлевна, отец умер еще до войны. Ей, не в пример другим, повезло: до этого тоже раненным, но это не главное, вернулся с войны другой сын — Александр. Это было счастье, которое выпадало далеко не всем. У Аграфены Кутлаевой из их деревни, например, погибли все три сына. А сколько обездоленных войной матерей, так и не переставших их оплакивать и ждать, было в других селах, городах, во всей стране нашей...

Не успел Иван Иванович чуть-чуть окрепнуть после ранения, как вызвали в райком, ведь на войне он стал членом партии, и предложили возглавить колхоз "9 января". Согласился и три года был председателем этого колхоза, проявив себя, между прочим, не с плохой стороны. Но перво-наперво отбросил в сторону костыли и стал ходить с одной только палочкой...

Надо ли говорить, какой тяжелой у колхозников тогда была жизнь,

ТИШИНЫ...

если пахали на быках да на своих коровах, а случилось, что и бороны женщины на себе таскали. "Но у меня колхозники хорошие были, — с гордостью за людей говорит Иван Иванович. — Понимали слово "надо", откликались на любую просьбу, поддерживали во всем. Дисциплина была — не в пример сегодняшней. Рано утром постучу железкой по рельсу, люди соберутся и — по местам. Работали тоже по настоящему, а значит, и зарабатывали: даже в самое трудное время мы выдавали на трудодни по три с половиной килограмма хлеба. А между прочим и тогда по-разному жили, кое-где о таком и не мечтали..."

"Заря", "Вторая пятилетка", "Новая жизнь", Владимирский, Андреевский, Малиновка, Соколовка, Горновка, Панаевка — эти и еще многие другие названия колхозов, поселков, деревень упоминал в разговоре Иван Иванович. Они давно стали историей, но живы люди, которые помнят свои улицы, своих односельчан, свои поля, луга и леса. "А какая у нас в Косякове была земля, — говорит Иван Иванович. — И плодородная, и очень выносливая, не боялась ни дождей, ни засухи... Да и люди — ей под стать..."

А по вечерам молодой председатель брал в руки гармонь, и начиналось общее веселье — уставшие за день колхозники пели, плясали, отдыхали опять-таки под чутким руководством.

Вскоре вернулся с фронта прежний председатель этого колхоза, и Ивану Ивановичу предложили возглавить другое хозяй-

ство, на что он не решил — по-вполне объективным причинам и уехал в Дзержинск, где стал работать на заводе. Но только не смог долго пробыть в городе и снова вернулся домой. Переселение на новое место, неоднократное укрупнение и слияние хозяйств — все это результат государственной политики, так или иначе отражающейся на жизни людей. Заместитель председателя одного из колхозов, заведующий складом, нормировщик в мехцехе и, наконец, пенсионер,

Иван Ивановича и Екатерины Михайловны давно в Казани. Но скучать им не приходится. Летом оба трудятся на огороде, где есть все — от капусты до арбузов, а Иван Ива-

жизнь которого протекает тихо и размеренно. Но не спокойно, потому что Иван Иванович не любит сидеть без дела, всегда найдет себе занятие. Нынче исполнится 57 лет их совместной жизни с Екатериной Михайловной, тоже потрудившейся на своем веку. Особенно, конечно, досталось в войну, когда пришлось поработать и на лесоразработках, и на окопах. Как сама говорит, везде была, кроме разве что тюрьмы, — не натворила ничего... В тылу был свой фронт, свои "сражения" и победы, к которым их толкало страстное желание приблизить окончание войны.

А сейчас в своем небольшом доме на улице, сбегавшей в Волге, живут они вдвоем — дочь

нович к тому же и пчеловод-любитель. Всего каких-то пять лет перестали держать скотину, а вот рыбалку и охоту Иван Иванович еще не забросил. Это его любимые занятия, о чем нетрудно догадаться любому, кто окажется ненароком или зайдет с каким-то делом к Берендеевым. Везде, где только можно, — над оконными и дверными проемами, на полочках и мебели расставлены забавные фигурки диких зверей и птиц. Здесь и лось, и кабан, и рысь, и волон, и тигр, и олень, и медведь, и куropатка, и заяц, и чайка — в общем, получается, что все зверье — мое. В свободные минуты Иван Иванович, не желая поддаваться безделью и скуке, выпиливает их из пенопласта, а по-

том разукрашивает красками. Веселее, уютнее в доме с этими лесными жителями, которые к тому же не мешают, когда хозяин читает свои газеты и журналы. А читает он много, и не просто читает, а анализирует, и вольно или невольно, сравнивает время прошлое и настоящее. Тут есть о чем задуматься, и задуматься серьезно, тем более что село сейчас переживает не лучшие времена. Но как бы там ни было, а ждать, когда они наступят, все-таки непросто. Надо быть хозяевами своей земли, и не согласиться с этим невозможно.

...Тихо на их сельской улице, тихо в их доме, а когда-то о такой тишине Ивану Ивановичу и другим воевавшим с ним солдатам приходилось только мечтать. День за днем в страшных боях отвоевывали они у врага по кусочку свою землю, которая горела под их ногами. И так хотелось тишины, хотелось не воевать, а пахать, растить хлеб. Он дождался этого и всегда ценил и понимал жизнь, радуясь каждому новому дню, каждому восходу солнца над родной землей, над величавой Волгой.

Л.Георгиева.